

КИНО

Билле Аугуст — ПРОДОЛЖАТЕЛЬ «КИНОБЕРГМАНИАНЫ»

Ингмара Бергмана всегда отличал особый интерес к воспоминаниям своего детства. Теме возвращения к детству, к прошлому, поиску в прошлом ответов на вопросы настоящего была посвящена его картина «Фанни и Александр». После нее великий Бергман снял только один маленький фильм — «После репетиции» — и ушел из кино... в литературу, в кинодраматургию. Его книга мемуарного характера «Laterna magica» переведена на русский язык. Кажется бы, великий режиссер ушел на покой, воспользовавшись правом стариков — отдохнуть... Но события развивались иначе.

«Золотую пальмовую ветвь» одного из последних Каннских кинофестивалей получил фильм датского режиссера Билле Аугуста «Самые лучшие намерения». Нельзя сказать, чтобы такой выбор одобрила европейская кинокритика. Раздавались голоса, что Билле Аугуст уже получил приз Каннского кинофестиваля за фильм «Пелле-завоеватель», и что новая его картина академична, скучна и тяжеловесна. Но все они смолкли, когда фильм наконец был выпущен на экраны.

«Произведение удивительной пластической мощи», — писал французский журнал «Пунэн». — «Самые лучшие намерения» — фильм, способный околдовать, в котором сила страсти гармонично контрастирует с безмятежной ясностью режиссуры». Мир буржуазных салонов, бедных северных поселков, церковных молелен, мир затверженных раз навсегда ритуалов и постулатов патриархального уклада, чреватого взрывами и внутренними трагедиями... История любви девушки из буржуазной семьи — испорченного, но милого создания — и молодого пастора, едва начинающего карьеру на религиозном поприще, — история любви родителей Ингмара Бергмана. Им и написан сценарий, воплощенный на экране Билле Аугустом. А сейчас во Франции выпущена и книга Ингмара Бергмана «Самые лучшие намерения». «Какое это удовольствие — еще раз прикоснуться к жгучим тайнам его семейного романа», — пишет обозреватель «Пунэн» Мари-Франсуаз Леклерк.

В этом же журнале опубликовано интервью с Билле Аугустом, который рассказывает о

том, как складывались его отношения с великим Бергманом, одним из старейшин мирового кинематографа.

— Какую роль в вашей жизни играли бергмановские фильмы до того, как вас свели вместе «Самые лучшие намерения»?

— Я не могу давать оценку произведениям кинематографиста, который, наряду с Тарковским, является одним из величайших мастеров своего времени. К тому же я видел не все его фильмы. Но я был особенно потрясен той сценой из «Шепоты и крик», где разговаривают сестры, одна из которых скоро должна умереть.

— Кто решил пригласить вас в качестве режиссера?

— Он. Я был очень удивлен, когда он позвал меня в первый раз. Позже я узнал, что он видел «Пелле-завоеватель» семь раз и знал мой фильм лучше, чем я. Думаю, что он оценил мой стиль изложения сюжета — очень простой, мою манеру снимать лица — открыто, без всякой напрядженности. Услышав от него предложение снять фильм по его сценарию, я спросил, нельзя ли мне сначала прочесть сценарий, чтобы понять, насколько эта работа для меня опасна и даже самоубийствен-

на. Впрочем, я бы не колебался, если бы пришлось стать простым проводником его мыслей, его тенью...

— Как развивались ваши отношения дальше?

— Конечно, я влюбился в этот великолепный сценарий. Бергман настаивал на моей абсолютной режиссерской свободе. Его единственным требованием было, чтобы главную женскую роль сыграла Пернилла Остергрэн, которая затем стала моей женой.

— Ваше собственное детство чем-нибудь перекликается с тем, о чем писал Бергман?

— К несчастью, да. Мой отец был не пастором, а психиатром. И сверх того еще коммунистом. Это был очень твердый мужчина. Моя мать умерла от рака, когда мне было 8 лет. С того самого дня он запретил мне тревожить ее память под предлогом, что нельзя говорить о тех, кого уже нет, и уничтожил все ее фотографии и все предметы, которые могли бы мне о ней напомнить. И пятнадцать дней спустя снова женился. Это был человек страшный, отмеченный чувством вины и наказания за грех. Чтобы убежать от этой реальности, я стремился в мир воображения, снов, сказок о феях. Как видите, это не так уж далеко от «Фанни и Алек-

сандра»... Но я никогда не говорил об этом Бергману. Прежде всего и он, и я занимаемся вымышленными историями.

— А как проходило ваше совместное двухмесячное литературное сотрудничество?

— Это был очень волнующий момент моей жизни — сотрудничество с художником такого уровня, как Бергман. Мы, конечно, нарисовали персонажи один за другим, уточнили монтажные ходы. Но мы и делали большие паузы, чтобы поговорить о нас, о жизни, о кинематографе. И было очень впечатляюще каждый день слышать рассказы гения о том, почему он выбрал себе такую судьбу, почему не смог обойтись без творчества. Я лучше понимал, почему он перестал снимать. Суть Бергмана — мучающаяся и тоскующая. Он спит очень мало и очень плохо, и сцена для него — источник настоящих мук. Мне показалось, что главная его проблема — нащупать дистанцию между ним самим и его материалом, который для него всегда становится автобиографичным, даже если написан не им. В противоположность большинству кинематографистов, он предпочел положить конец своей карьере, чтобы не снимать фильмы слабые или хотя бы не такие мощные, как

прежде. И, по-моему, это свидетельство редкой мудрости.

— Можно ли разделить в фильме то, что идет от вас, и то, что пришло от него?

— Думаю, что результат, который получился на экране, не стоит «разрезать» на кусочки. Есть оригинальный сценарий — он принадлежит всецело Бергману. И есть также фильм, который снял я, режиссер, абсолютно свободный во всяком своем выборе. Это все.

Бергман находится в том возрасте, когда все возможное уже пережито и можно не бояться правильно оценить своих родителей. Да, все сказано подробнее, жестче, нелицеприятнее. С одной стороны, я уверен в том, что это искусная смесь правды и вымысла, как в любом произведении искусства. Но, с другой, опасная близость к исповедальной правде его личной жизни — именно то, что помешало снять фильм ему самому.

— Что вы чувствуете, читая в критике, что ваш фильм — это «Бергман без Бергмана»?

— Когда я согласился воплотить бергмановские образы, я знал, на что иду. Ехать в Швецию ставить сценарий, написанный таким мастером, как Бергман, вообще отдавало безумием. Но я принял вызов, и меня это воодушевило. Я уважаю критиков, и я уважаю их замечания, когда они, замечания, относятся к моей работе. Те из критиков, которые вошли в зал, заранее приготовившись посмотреть бергмановский фильм, испытали разочарование. Это фильм Билле Аугуста. Это мои заблуждения и мои завоевания. Прочтите книгу Бергмана и посмотрите мой фильм, а затем судите. Среди этих нападок критики меня утешает только реакция публики. «Самые лучшие намерения» имели огромный успех в Скандинавии. Фильм был прекрасно принят в Соединенных Штатах — люди увидели очень красивую и жестокую историю мужчины и женщины, борющихся за свою любовь...

— Сейчас вы начали съемки новой картины, и слухи об этом обещают многое...

— О, да... Я собираюсь снимать «Дом призраков» по Изабель Алленд, где будут играть Мэрил Стрип, Джереми Айронс, Глен Клоуз, Вайнона Райдер, Антонио Бандерас, Венесса Редгрейв. Съемки начнутся в Португалии, а затем продолжатся на датской студии. Это тоже семейная история, рассказ о конфликтах поколений, притча о судьбе, которая стучится в дверь, чтобы потребовать свою цену за прошлые ошибки. Это проблемы любви и ненависти, политики, взаимоотношений полов с их жестокостью, да проблемы всей жизни, что там говорить...

Материал подготовил
Д. САВОСИН.

● Кадр из фильма «Самые лучшие намерения».

Фото из французского журнала «Пунэн».